

Мельникова Светлана Викторовна

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИРЛАНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

В статье характеризуется понятие "политизация ирландской культуры" как непрерывный процесс. Становление новых культурных течений автор рассматривает как итог этого процесса, средством завершения которого выступил новый подход к языку и истории. В результате изучения уникальных исторических условий, при которых политизация ирландской культуры стала постоянным процессом, автор приходит к выводу, что именно завершение политизации к 1910-м годам создало условия для активизации архетипов народной памяти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III. С. 120-127. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье характеризуется понятие «политизация ирландской культуры» как непрерывный процесс. Становление новых культурных течений автор рассматривает как итог этого процесса, средством завершения которого выступил новый подход к языку и истории. В результате изучения уникальных исторических условий, при которых политизация ирландской культуры стала постоянным процессом, автор приходит к выводу, что именно завершение политизации к 1910-м годам создало условия для активизации архетипов народной памяти.

Ключевые слова и фразы: политизация ирландской культуры; «лингвистический сдвиг» в Ирландии; Великий Голод; «объединенные ирландцы»; Ирландское литературное возрождение; республиканизм; феники.

Мельникова Светлана Викторовна, к. филос. н.

г. Комсомольск-на-Амуре

svet.mel@yandex.ru, molinero.luz@gmail.com

**ПОЛИТИЗАЦИЯ ИРЛАНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ:
СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ[©]***Введение*

В конце XIX века традиционные идеологии и культурные течения Ирландии переживали кризис, вместе с которым сложившаяся в «викторианский» период национальная идентичность в Ирландии перестала существовать [2]. Природа этого кризиса стала предметом пристального внимания историков (Р. Эдвардс [6], П. Мэтьюз [14], Ч. Тауншенд [20], Ф. С. Л. Лайонз [13], К. Уиллон [21], Т. Гарвин [9] и др.). В период, предшествующий Пасхальному восстанию, появились новые культурные течения: прежде всего, Ирландское возрождение и Гэльская лига. Они оказали значительное влияние на процесс становления нового образа национальной идентичности. Однако и традиционная революционная идеология, и революционные организации, переживавшие в это время период структурной трансформации, не прекратили свое существование. Отношения между этими новыми течениями и традиционной идеологией имеют большое значение для историка. П. Мэтьюз отмечает, что хотя появилось значительное количество работ, акцентирующих внимание на ведущих персоналиях, природа этих течений и их влияние на культуру остаются неисследованными. Причина этого заключается в длительном господстве ревизионистской историографии с ее формально-спекулятивным подходом. Многие ревизионисты преследуют идеологические цели и прибегают к открытому искажению событий, на которых базируется история республиканского движения в Ирландии. Формально-спекулятивный подход ревизионизма вызвал острую критику со стороны историков-традиционалистов [7; 17].

Для объяснения природы этих культурных течений и причин трансформации революционных организаций мы предлагаем обратиться к анализу предпосылок, оказывающих более длительное и глубокое влияние на ирландскую культуру, т.к. становлению таких течений, как Ирландское возрождение и Гэльская лига, несомненно, должны были предшествовать изменения, гораздо более сложные, длительные и глубокие, чем тот непосредственный результат, который находится в поле зрения историка рубежа XIX-XX веков. Поскольку в центре внимания последователей Возрождения и Лиги так или иначе оказывались язык, литература и история Ирландии, мы предлагаем рассмотреть то, как представители этих течений обращались с языком и как они представляли себе историю Ирландии и подход к истории как таковой.

Такой интерес к языку на рубеже XIX-XX веков был неслучайным, он объяснялся лингвистическим и социальным опытом Ирландии XVIII-XIX веков. Без анализа этого опыта, на наш взгляд, невозможно понимание природы выше обозначенных течений и их влияния на культуру, поэтому первая часть работы посвящена анализу исторических условий и идеологического климата, в которых формировалась ирландская национальная интеллигенция.

Цель исследования – охарактеризовать процесс политизации ирландской культуры. Хотя термин «политизация» применялся к истории Ирландии 90-х годов XVIII века, на наш взгляд, именно с этого времени Ирландия переживала политизацию культуры как непрерывный процесс, поэтому здесь мы позволим себе применить этот термин к периоду, к которому он не применялся, чтобы выявить средства осуществления этой политизации и ее итоги, поскольку вне связи с предыдущим периодом истории Ирландии природа Ирландского возрождения и Гэльской лиги останется неясной. Только наличие процесса, оказывавшего длительное воздействие (срок которого превосходил жизнь одного поколения) на культуру Ирландии, позволяет увидеть по-новому причины духовного кризиса конца XIX века.

Лингвистический сдвиг, Великий Голод и их социальные последствия

Культурный и лингвистический опыт Ирландии был, пожалуй, уникальным для Европы XIX века: число носителей ирландского языка неуклонно сокращалось, и ирландцы в подавляющем большинстве стали использовать в качестве единственного языка английский язык. Ирландский язык продолжал соседствовать

с английским языком лишь в самых отсталых аграрных районах Северо-Востока и крайнего Юга Ирландии. К началу XX века все население Ирландии говорило по-английски, лишь незначительная его часть владела двумя языками. Люди, использовавшие в качестве единственного языка ирландский, как правило, проживали в отдаленных сельских местностях и родились в эпоху до лингвистического сдвига, а значит, были довольно преклонного возраста.

Причины столь резких изменений заключались в социально-экономической и демографической ситуации, в которой находилась Ирландия на протяжении всего XIX века. Лингвистический сдвиг 40-50-х гг. XIX века был вызван Великим Голодом (1846-48). Великий Голод сократил численность населения Ирландии за два года на 2 млн человек, т.е. на одну четверть от численности населения в 1841 году. На протяжении последующих десятилетий численность населения продолжала стремительно сокращаться с 8 млн 175 тыс. 124 человек в 1841 году до 4 млн 390 тыс. 219 человек в 1911 году [11].

Однако тенденция к постепенному вытеснению ирландского языка проявилась с конца XVII века. Уже в XVIII веке ирландский язык ассоциировался с архаикой, бедностью и сельским бытом и активно вытеснялся из культурных центров в аграрные уголки, что было связано не только с влиянием британской культуры, но и со структурой ирландского общества. К этому времени английский язык стал неотъемлемой частью культурной и общественной жизни страны. К тому же английский был языком национальной интеллигенции. Привилегированное этническое меньшинство Ирландии, представлявшее замкнутую касту, на вершине социальной лестницы которой находилась англиканская земельная аристократия, не говорило по-ирландски, его родным языком был английский, многие представители ирландского джентри владели другими европейскими языками, чаще всего – французским. Это обстоятельство значительно способствовало вытеснению ирландского языка на культурную периферию и предрешило его дальнейшую судьбу. Ирландская патриотическая интеллигенция, столь громко заявившая о себе в последней декаде XVIII века, за редким исключением принадлежала к привилегированному протестантскому джентри, ее мало волновал лингвистический аспект проблем ирландского общества, раздираемого сектантскими противоречиями в условиях коррумпированной власти и дискриминации прав католического большинства.

Период рубежа XVIII-XIX вв. оказал огромное влияние на культуру Ирландии и идеологию национального движения. Революционное движение последней декады XVIII века и его лидеры, апеллирующие с просветительских позиций к правам человека и идее национального суверенитета, стали абсолютным эталоном для всей последующей идеологии ирландского национального движения. В этой связи проблема национального языка как основа национальной идентичности в идеологии ирландского республиканизма могла появиться лишь как тема, занесенная извне культурными течениями, выходящими за рамки прагматизма и рационализма Просвещения. Импульс политизации 90-х годов XVIII века заложил основу для длительного доминирования политических аспектов в проблеме ирландской идентичности и обосновании национальной независимости [5, р. 139-155]. Вплоть до конца XIX века культура и язык рассматривались лишь как необходимое средство пропаганды политических идей. Такое видение проблемы идеологи фенианизма унаследовали от «объединенных ирландцев».

Социальные и культурные последствия Великого Голода и лингвистического сдвига оказали на сознание поколения, пережившего эти события, решающее влияние. Именно Великий Голод открыл путь к массовой ирландской эмиграции в другие колонии и регионы Британской империи и Америки, которая означала для многих в 1846-48 гг. путь к спасению. За период 1846-48 годов ирландская эмиграция составила почти половину от численности исчезнувшего населения; судьба той половины, которая не смогла эмигрировать, стала жестоким уроком для переживших Великий Голод. За десять лет 1846-55 годов уже 2,5 млн человек эмигрировали из Ирландии. В период 1850-1899 годов страна теряла из-за эмиграции от 10 до 20% населения каждую декаду [8, р. 27-28]. С этого времени эмиграция составляла неотъемлемый компонент ирландской экономики и культуры.

В Ирландии до эпохи Великого Голода значительную долю населения составлял сельский пролетариат, батраки и мелкие арендаторы. Голод нанес по традиционной аграрной структуре сокрушительный удар, пострадали как беднейшие слои, так и лендлорды. Численность сельских рабочих и мелких арендаторов сократилась вдвое, а число мелких фермеров – на одну треть, множество лендлордов оказались в состоянии банкротства и вынуждены были продавать свои поместья, чтобы погасить долги [Ibidem, р. 40-41]. Превратившись в постоянный феномен с конца 1840-х годов, эмиграция и миграция выступали в качестве решающей тенденции, влиявшей на жизнь Ирландии. В аграрных областях, где нехватка земли толкала безземельный пролетариат отправляться на заработки в сопредельные страны, появился слой сезонных рабочих-мигрантов. Многие рабочие зарабатывали себе на жизнь в Англии и Шотландии, продолжая содержать семью в Ирландии [9, р. 58]. Особенно массовый характер приобрела эмиграция в страны Америки, среди которых первенство принадлежало США.

Эти тенденции совпали с завершением долгого периода борьбы за эмансипацию католиков, открывшего католическому большинству доступ к системе среднего и высшего образования. К началу 70-х годов XIX века основой системы образования стали государственные экзамены, проводимые представителями комиссии по образованию. В таких условиях зарплата учителя и финансирование школ зависели от результатов, демонстрируемых учениками. Система отличалась муштрой и выраженным авторитаризмом. Система изначально была создана для того, чтобы позволить способным ученикам из бедных слоев, прежде всего католиков, перейти на следующую ступень образования. Несмотря на стремительное сокращение численности населения, число учеников средних школ постоянно росло. Тем не менее лишь каждый 17-й из общего количества

учеников, обучавшихся в начальных школах, переходил в среднюю школу [13, р. 93]. К тому же среди лиц, получивших высшее образование до 1908 г., преобладали протестанты. Однако препятствием к поступлению в «протестантские» университеты для многих католиков зачастую становились сектантские предрассудки и влияние реакционных кругов католической церкви, с одной стороны, заинтересованной в сохранении сегрегации между этническими сообществами, с другой, опасавшейся конкуренции со стороны светских интеллектуалов, как и всякого другого проявления модернизации. Лишь создание в 1908 году Национального Университета Ирландии устранило эту проблему, но система высшего образования, как и средняя школа, осталась конфессиональной. Таким образом, профессиональная дорога, открывавшаяся перед католиками, часто вела их к выбору профессии учителя или журналиста. Именно эти две профессиональные группы, с одной стороны, выступили в качестве главных противников британской имперской идеологии, с другой – господства католической церкви в системе образования и общественной жизни.

Помимо религиозного разделения на ирландскую школу рубежа XIX-XX веков решающее воздействие оказывала образовательная политика государства, осуществляемая при посредничестве церкви. Положение учителя, прежде всего в государственных школах, было двойственным и зависимым. В приходе учителя нанимало государство, но не напрямую, а опосредованно, через церковь. В результате учитель попадал в зависимость от церкви в большей степени, чем от государства. Формальным управляющим школ, находящихся на государственном финансировании, была церковь. Государство напрямую платило церковному управляющему, а именно – приходскому священнику, а он уже выплачивал зарплату учителю [9, р. 25-26]. Учитель находился в постоянном конфликте с церковью и был недоволен государством. Неслучайно именно учителя стали проводниками радикальных идей и первыми выступили с критикой существующего режима и системы образования со всеми их явными пороками. Однако профессия учителя гарантировала признание в почти сословном обществе, где статус означал принадлежность к касте и привилегии, которых были лишены многочисленные низшие слои населения, не имевшие счастья войти в состав образованного класса.

Реформирование образования не приводило к решению проблем, поскольку упиралось в вопрос о контроле над школой – государство или церковь. Средняя школа, организованная в основном на частной и конфессиональной базе, была непозволительной роскошью для беднейших слоев населения. Помимо того, что большинство средних школ взимали плату за обучение, за исключением школы Христианских братьев, чрезвычайно низкий уровень жизни таких слоев, прежде всего сезонных рабочих, не позволял оставлять детей даже в бесплатной средней школе, поскольку они должны были обеспечивать дополнительный заработок семьи. Образование детей в бедных рабочих семьях, как правило, ограничивалось двумя или тремя классами начальной школы, т.е. где-то к десяти годам ребенок заканчивал свое обучение [4, р. 135-136].

Система школьного образования в Ирландии начала XX века сохранила свои традиционные недостатки. Причина этого положения крылась в более глубоких социальных и политических противоречиях, которые невозможно было устранить при помощи школьных реформ. Идеологическое противостояние, усилившееся под воздействием идей Гэльского возрождения, превратило ирландскую школу в арену политической борьбы. Недовольство учительского состава собственным зависимым статусом и политическим режимом, узаконившим это положение, сделало эту социальную группу адептом и ретранслятором новой политической культуры, осуществившей культурную революцию, предшествовавшую социальной. В силу своих обязанностей именно учителя, как никакая другая группа интеллигенции, знакомая с бедственным положением низших слоев населения, оказали огромное влияние на процесс формирования революционной элиты. Впоследствии эта группа оказалась самой многочисленной среди непосредственных участников Пасхального восстания и Ирландской революции.

Именно недовольная имперским порядком католическая интеллигенция из городских ремесленных слоев стала социальной основой фенианского движения. Эмиграция в ранней юности, потеря близких во время Великого Голода, антиклерикализм и категорическое неприятие викторианской культуры вошли в биографии большинства представителей фенианизма. Лингвистический сдвиг окончательно порвал связь Ирландии с архаическим миром гэльской культуры и усилил влияние англоязычной культуры на мировоззрение и историческое сознание ирландского социума и особенно – ирландской интеллигенции. Причем каналом такого влияния стала не только Британия, но, прежде всего, США. Влияние политической культуры и идеологии США было достаточно традиционным для Ирландии, его мощный импульс ирландское общество испытало в период Американской революции (1776-83). Теперь же США стали родиной фенианизма, без связи с которой ирландское национальное движение едва ли смогло бы достичь своей цели. Неудачный конституционный опыт движения рипилеров способствовал возникновению фенианского движения, объединившего разрозненные радикальные организации, оставшиеся после разгрома вышеупомянутых клубов. Основой для названия движения в целом и ирландской сети послужили два клуба – один был основан Дж. Стефенсоном и Дж. О'Мэхони в Нью-Йорке (1858), впоследствии названный Республиканское Братство, и второй – Общество феникса – был основан И. О'Донованом. Комбинация их названий дала символическое имя движению – Орден феникса и другое, более «официальное» – Ирландское Республиканское Братство (ИРБ). Важнейшим этапом стало создание в Нью-Йорке организации Клан на Гэл в 1867 году [1;3].

Таким образом, уникальные исторические условия – лингвистический сдвиг, Великий Голод, образовательная политика и сектантское разделение ирландского общества – заложили основу для развития идеологических тенденций, возникших в 1790-е годы. Крах революционного проекта объединенных ирландцев не означал крах политизации ирландской культуры и не воспрепятствовал возобновлению этого процесса. Его завершение было связано с выходом на сцену новых течений ирландской культурной жизни.

Образ истории Ирландии в ирландской публицистике и ее язык

В языке ирландской публицистики, литературы и поэзии рубежа XIX-XX веков получила распространение метафора «сумерек», проявляющаяся в образном ряде игры света и тени, как предвестник кардинального изменения культуры. Чтобы понять, что несла с собой эта тема и почему она появилась не только в художественной литературе, но и в политической публицистике тех лет, необходимо обратиться к состоянию ирландской культуры и ее связи с политикой.

В истории фенианизма, полной самоубийственных авантюр, героизма и ревностного фанатизма, выделяется контраст между провалом военных прожектов по освобождению Ирландии, организованных наиболее радикальными элементами, и победой в идеологической войне с Британской империей. Фениии унаследовали идею вооруженного восстания в Дублине при стремлении заручиться поддержкой иностранных держав, прежде всего Франции и США, против «объединенных ирландцев». Провал проектов, связанных с участием иностранных держав, зависящих от многих факторов, которые всякий раз трудно было учесть, стал очевидным уже для «объединенных ирландцев», но не для радикального крыла фенианских организаций, которое упрямо отказывалось признавать опасность военных и политических авантюр. Тем не менее без моральной, финансовой и организационной поддержки из стран Америки, особенно США, и Европы фенианские организации были бы быстро и окончательно разгромлены. Просветительская и пропагандистская деятельность была частью длительной идеологической войны, которую вели Клан на Гэл и ИРБ (Ирландское Республиканское Братство) против Британской империи как в Ирландии, так и в других странах. Результатом пропаганды должна была стать политизация общественного сознания, подобная той, которую вызвала пропагандистская деятельность «объединенных ирландцев» в 1790-х годах.

Фениии создавали литературные клубы, отмечали знаменательные даты истории революционного движения Ирландии, занимались издательской деятельностью. Их поэзия и проза стали эффективным средством распространения собственных политических взглядов. Наиболее известным фенианским поэтом был Джон «Лео» К. Кейси, автор многочисленных баллад о событиях 1798 года, среди которых «The Rising of the Moon», то есть «восход луны», которая легла в основу популярной народной песни. Образный ряд этой баллады очень важен для дальнейшей интерпретации этой темы в литературе и культуре в целом как фольклорный архетип героического мятежа. Так, леди Августа Грэгори, видный идеолог Гэльской лиги и Ирландского возрождения, написала в 1907 г. драму «The Rising of the Moon», в которой обыгрывались образы баллады, и сама песня была включена в ее музыкальное сопровождение [10, p. 77-91, 193]. В сюжете баллады параллельно развиваются несколько метафорических образов: смена времени суток от вечерних сумерек до «восхода луны» к «грядущему свету утра» и завершающему балладу «пылающему полдню». Другой ряд связан с нарастанием звука баллады, которая начинается от шепота двух героев, переданного аллитерацией глухих шипящих звуков (подчеркнуты):

*“Oh, then tell me Sean O’Farrell, tell me why you hurry so?”
“Hush a bhuaichail, hush and listen”, and his cheeks were all aglow.”*

(Пер.: «О, скажи мне, Шон О’Фарел, почему ты так спешишь?» / «Тише, тише, слушай, глупый», – и лицо его зажглось) (здесь и далее перевод мой – С. В.).

Герой рассказывает о грядущем мятеже, который начнется с «восходом луны»:

For the pikes must be together at the rising of the moon
(Пер.: Чтобы собрать копья на восходе луны).

Затем звук переходит к свисту:

One more word for signal token: whistle up a marchin’ tune
(Пер.: Зов без слов – то свист напевный).

Кульминация двух метафорических линий света и звука достигается в центре повествования, когда глубокая ночь, предшествующая заре, заполняет повествование, и зловещий символ восходящей луны, под холдным светом которой мерцает масса копий, сошедшихся в «поющую реку», приобретает свое завершенное значение слияния с опосредованным символом насилия – копьем. Звук сердца, тонуший в гуле, распространяющемся по долине, претерпевает метаморфозу и превращается в «плач одинокой банши», переходя к универсальному средневековому символу героической смерти – банши – в кельтской культуре:

*Out from many a mud wall cabin eyes were watching through the night,
Many a manly heart was beating for the coming morning light.
Murmurs ran along the valleys to the banshee’s lonely croon
And a thousand pikes were flashing at the rising of the moon*

(Пер.: Из-за стен убогих хижин через ночь глядят глаза,
И навстречу свету утра бились храбрые сердца.
Гомон лился по долине, словно банши страстный вой –
Масса копий заблестала с нарастающей луной).

Нарастающий контраст света и тени, «черной массы» и «сияющего оружия», в сумерках лунного света рождает хотя и опосредованные, но зловещие образы грядущего насилия, которое отсутствует явно в повествовании, но оно обязательно появится из темноты с наступлением дня. Единственный положительный символ, «их любимый зеленый», в своей природной первозданности прорезает эту сумрачную картину,

подобно тому, как неизбежным исходом из ночной тьмы становится «пылающий полдень». «Зеленый» – это абсолютный символ Ирландии, то, что выше насилия, как видим здесь буквально: зеленый флаг «плывет» над вершинами копий. Неизбежность явления насилия подчеркнута призывом к нему, повторенному незримым лицом, которое руководит «черной массой», или «поющей рекой», констатирующим открывшееся неожиданное значение луны («Это восход луны»). Эта простая декларация, открывающая начало действия, которое остается за пределами повествования. О присутствии этого загадочного лица мы судим лишь по его воинственному призыву («Смерть врагам и предателям!»).

Автор так и не решается описать кровопролитие, показывая картину до и после, завершая свой рассказ выводом о судьбе тех, кто «сражался за бедную старую Ирландию»: «их судьба была полна горечи», но в контраст добавляет, что «сражение» не закончилось, и его продолжают те, чьи «сердца бьются в мужестве пылающего полдня». По этой причине другой универсальный символ, кровь, получивший особенно широкое употребление в языке ирландского модерна, здесь не появляется – видимо, не без влияния викторианского сентиментализма, который не позволил поэту открыто окрасить образ революционного насилия в его традиционный цвет.

Данные символы (луна, сумерки, кровь, жертва, зелень) представляли универсальный набор патриотической риторики, прежде всего образ «сумерек» как переходного состояния культуры, ожидающей своего обновления, затишья перед бурей, они получили новое содержание с расцветом ирландского модерна. Этот расцвет пришелся на конец XIX – начало XX века. Причины его заключались в духовном кризисе, охватившем ирландское общество. К концу XIX века политизация, продолженная фениями, достигла своего предела. Фении, считавшие себя духовными преемниками «объединенных ирландцев», переняли от них рационально-просветительское понимание национальной идентичности в рамках традиционной идеологии ирландского революционизма. На рубеже 70-80-х годов, времени доминирования в национальной политике партии Чарльза Парнелла, позволившей заключить хрупкий союз между революционными организациями и либералами, идеологические вопросы национального движения развивались в рамках устоявшихся образцов. Идеологической основой для подобного союза стала борьба за решение земельного вопроса в рамках Земельной лиги Майкла Дэвитта. Решение политического руководства ИРБ и Клан на Гэл поддержать М. Дэвитта и Ч. Парнелла сделало фенианские организации тесно связанными с судьбой этих лидеров. После разгрома Лиги и последующего раскола партии Парнелла, приведшего последнего к внезапной смерти от воспаления легких, прогрессирующего на фоне тяжелых душевных переживаний, фенианизм оказался в состоянии глубокого раскола. Главным последствием краха Ч. Парнелла стал распад союза между либеральным и революционным движениями. Распад поставил под удар все сложившиеся традиционные образцы как в политике, так и в культуре. Раскол вынудил оба направления пересмотреть сложившуюся политическую стратегию. Революционное движение больше не желало вступать в союзы ни с либералами, ни с аграрными течениями. Раскол, отбросив оба направления на первоначальные идеологические позиции, привел к тому, что они из союзников начали превращаться в политических конкурентов. Однако традиционные идеологии уже не годились для ориентации в изменившихся социальных и политических реалиях, все казавшееся определенным рухнуло. На повестке дня вновь встал вопрос о судьбе Ирландии.

Разочарование в политике заставило средний класс обратиться к культуре. Такая возможность представилась вслед за возникновением Ирландского литературного возрождения и Гэльской лиги. Эти течения появились в ответ на неудачу разрешить комплекс социально-политических проблем Ирландии в рамках идеологии аграрного популизма Земельной лиги и прагматизма Парнелла. В политическом и культурологическом смыслах они означали неудачу модернизации Ирландии в рамках викторианской идеологии, отказ ирландской интеллигенции от принятия викторианских ценностей, связанных с коммерциализацией ирландской аграрной экономики на фоне провала индустриализации.

Начало Ирландского литературного возрождения было связано с основанием в 1891 году в Лондоне Ирландского литературного общества Уильям Б. Йетсом и Томасом У. Роллестоном, а затем в 1892 году – Национального литературного общества в Дублине. Дуглас Гайд в обращении к Литературному обществу «Необходимость деанглизации Ирландии» обозначил главный пункт идеологии Ирландского возрождения – отказ от преклонения перед всем английским. Однако, сознавая, что для подавляющего большинства англоязычных ирландцев литература на ирландском языке недоступна для понимания, Гайд предложил в качестве альтернативы англоязычных классиков ирландской литературы – Мура и Дэвиса [12, р. 159]. Такой призыв, конечно, не мог не затронуть важный политический компонент их мировоззрения – деколонизацию и независимость Ирландии. Однако сам Д. Гайд едва ли разделял сепаратистские взгляды упомянутых им авторов.

Ирландское литературное возрождение открыло путь к дальнейшей политизации общественной культуры, казалось бы, исчерпавшей набор тем после идеологического кризиса парнеллизма. Теперь инициатором политизации выступили не идеологи фенианизма, а группа писателей, поэтов и драматургов, представителей ирландского литературного модерна. Одним из центров распространения идей Ирландского возрождения, социальной критики и революционизма стал Ирландский литературный театр, созданный в 1898 году по инициативе Уильяма Б. Йетса, леди Августы Грэгори и Эдварда Мартина. Среди постановок, посвященных романтизации революционного республиканизма, следует выделить модернистские драмы Йетса («The Countess Cathleen» / «Графиня Кэтлин» и «Cathleen ni Houlihan» / «Кэтлин, дочь Хулихэна»), вызвавшие бурный отклик, шквал как критики, так и похвалы, и леди Грэгори («The Rising of the Moon»). У. Йетс под влиянием фенианского аграрного утопизма идеализировал сельскую жизнь ирландских крестьян. Другой стороной его творчества стало обращение к политическому фольклору, в частности к мистифицированным персонификациям Ирландии, связанным с архетипом героического самопожертвования и культа политического мученичества,

утвердившимся в идеологии фенианизма. В частности его символическая драма «Кэтлин, дочь Хулихэна» воспевала героическую смерть во имя свободы Ирландии. Образ *Shan Van Vocht* / «бедная старая женщина» наряду с *Roisin Dubh*, т.е. «Темная роза», и «Кэтлин, дочь Хулихэна» были распространенными фольклорными персонализациями Ирландии, нашедшими широкое воплощение в ирландской поэзии, литературе и идеологии революционного сепаратизма начала XX века. Однако в поэтизированной версии Йетса эти образы получают специфическое значение, они не просто символы, а «переплетенное множество образов, подобное модели архитектора». У. Йетс превращает тему национальности в основу своей эстетической программы, перенося акцент с рационально-просветительского понимания национальной идентичности на романтический мистицизм. Он пишет о роли театра: «Никакое другое чувство, за исключением религиозного, не движет массами столь мощно, как национальное, и на это чувство, распространенное среди всех классов в Ирландии сегодня более, чем когда-либо в этом столетии, мы возлагаем наши надежды... Вся литература и все искусство национальны... Виктор Гюго говорил, что в театре толпа становится народом...» [24, p. 140-141].

Таким образом, Йетс рассматривает историю нации как непрекращающийся процесс театрального представления. Для постоянного продолжения этого представления нация нуждается в обновлении своего «воображения», «идеала», «мечты», «иллюзии». Йетс замечает: «Все цивилизации держаться на внушении невидимого гипнотизера и искусственно созданных иллюзиях» [19, p. 31]. Создателем таких иллюзий является «маг»-поэт, он уподобляет поэзию искусству заклинания: «Поэзия и музыка... исходят от звуков, которые заклинатель создает, чтобы заставить воображение зачаровывать, очаровывать, связывать с заклинанием и происходящим... он зачаровывает другие умы..., открывая кажущееся преходящее мышление, созданное из многих других» [22, p. 43]. Только поэт может выразить желания, и только в поэзии все мечты могут осуществиться. Таким образом, поэзия рассматривается как средство преобразования реальности, в которой стерта грань между реальностью и воображением. Йетс призывает отбросить все границы, сдерживающие полет воображения [25, p. 191].

Постановки Джона М. Синга («In the Shadow of the Glen» / «В сумраке долины» и «Playboy of the Western World» / «Молодой удалец – герой Запада»), выдающегося ирландского драматурга и писателя, шли в разрез с фенианской традицией романтизации аграрной Ирландии. Дж. Синг представил публике реалистический образ ирландской деревни и ее людей, далекий от романтической пасторали. Социальный реализм Синга вызвал волну критики как в националистической прессе, так и со стороны консервативного крыла представителей Гэльской лиги [13, p. 242-243]. У. Йетс, леди А. Грэгори и Дж. Синг сами способствовали превращению художественной культуры в средство распространения идей республиканства и формированию нового образа национальной идентичности. Развитие Ирландского литературного возрождения дополнялось ростом другого модернистского течения – Гэльской лиги, созданной в 1893 году. Лига стала притягивать политические силы различного толка, стремившиеся использовать ее массовую основу в политических целях, и превратилась в массовую организацию, занятую пропагандой «гэльской» культуры и языка. Возрождения «гэльской» культуры или, вернее, того, что идеологи Лиги (Дуглас Гайд, Юэн МакНил, Патрик Пирс, Августа Грэгори, Элис Миллиган, Анна Джонстон-МакМанус и др.) рассматривали в качестве таковой, конечно, не получилось. На деле они создали новую антиимперскую культуру, основанную на идеализации фольклорного духа ирландских саг и аграрной утопии.

Эти интеллектуалы выступили создателями смешенного стиля в публицистике и литературе, целью которого было ниспровержение официальной идеологии и создание новой культуры, которую они понимали прежде всего как языковую культуру. Орудием их борьбы стал язык прессы, литературы, поэзии, публичных выступлений. Таким образом, язык выступил как средство преобразования реальности. При помощи этого нового языка они разрывают фактографическую связь ирландской истории и представляют ее образы и символы как единое вневременное поле, в котором эпохи, люди и события встречаются в одном пространстве исторической памяти. Игра со смыслами языка и символами исторической множественности приводит к открытию новых аспектов в уже известных явлениях, история – лишь метафора современности. Ирландский модерн включает в одно произведение исторический конструктивизм, смешение идеологии, литературы, политики, истории и символизм культуры. Его представители размывают жанры, переносят литературный стиль в политическую публицистику, и наоборот – поэзия становится лишь средством «зачаровывания» реальности. Типичная тема близости истории, лишаящая ее сакральности, – «воображаемая встреча», преднамеренное включение или опущение из истории деталей сродни тем, которые мы видим в рассказах Хорхе Борхеса «Диалог мертвых» и Феликса Луны «Сармента и его призраки» [18, p. 50]. Лишение истории измерения прошедшего, разрыв связи между памятью об исторических лицах и конкретным историческим моментом делают эту кажущуюся простоту идеологии Ирландского возрождения сложной для понимания историка. «Кельтские сумерки» Йетса – не просто собрание разнородных историй фольклора, это методологическая программа обращения к реальности, размывания границ между вымыслом и реальностью, полусон, в котором все слито в единую темноту и требует открытия. Достаточно вспомнить «Призраков» Пирса, где он собирает в едином историческом поле образы, относящиеся к разным историческим эпохам. Он показывает путь и категории интерпретации, при помощи которой изменяются образы реальной истории еще до того, как эта история включается в поле современности: от реальности к исторической памяти, от памяти к символу и от символа к архетипу. Эта «де-сакрализация» истории помещает историческую личность среди современников, уравнивает ее с кругом знакомых, например, пассаж об Эммете в «How Does She Stand?» («Как она выстояла?») [16, p. 82]. В таком прочтении все его «призраки» – современники и соучастники настоящего, граница между прошлым и настоящим стерта, и он апеллирует не к реальным историческим лицам, связанным со своей эпохой, а к вневременным символам. Голоса «призраков» сливаются в одно эхо, утрачивая детали, привязывающие их к своей эпохе, в бесконечной игре которого проступает одна идея –

независимость Ирландии, «упрямая душа Ирландии» [Ibidem, p. 75]. Как маг Йетса, зачаровывающий реальность, Пирс вызывает «призраков нации», перечисляя череду имен, которые не более чем набор символов, апеллирующих к архетипам исторической памяти современников, стертой и сумрачной. Теперь фактографическая история разорвана – она живет лишь в словах «мага».

Здесь же в одном из наиболее часто цитируемых произведений Пирс вскользь упоминает о символах кровопролития, которыми переполнены не только его произведения, но и весь комплекс современной ему литературы и публицистики. Этот авторский комментарий позволяет увидеть зловещую символику крови, преобладающую в ирландском модерне, в новом свете. Пирс в своей политической речи приводит серию литературных цитат, содержащих различные образы насилия, среди которых, пожалуй, самый знаменательный – «варварская башня», стоящая на крови. Как бы спохватившись, он обосновывает неизбежность этих символов, связанную с его эстетической концепцией истории: «Я не защищаю и не оправдываю эту кровожадность. Я всего лишь привожу сноски на литературу» [15, p. 236]. Кровопролитие – лишь неприятная «сноска», о которой историческое сознание предпочитает забыть, неизбежный остаток, извлеченный из глубин памяти вместе с его образами-призраками. Однако Пирс настойчиво напоминает о ней; можно разорвать историческую реальность и переконструировать ее по своей прихоти, но не ее единственную целостность – образ-символ.

Башня на крови с ее символизмом, относящимся к безликой власти бездушного государства, находит развитие у Йетса, написавшего в 1928 году поэму «Кровь и луна», где углублены и переосмыслены эти образы применительно уже к послереволюционной реальности Ирландии, пережившей Революцию и Гражданскую войну [23, p. 233]. Йетс создает символизм башни, построенной на крови, пролитой за последние годы, чтобы охарактеризовать «кровоавую и надменную власть» государства, рожденного Революцией. Поэт создает аллюзию на декларацию независимости: «Я провозглашаю эту башню моим символом». Мрачные образы Гражданской войны переполняют поэму: башня и луна, блистающая сквозь облака как равнодушный наблюдатель [19, p. 36]. Башня Йетса стоит «лишь в половину», намекая на разделение Ирландии. «Привкус крови на родовых ступенях», – продолжает Йетс, развивая тему героического самопожертвования в идею трагической неизбежности кровопролития при создании любого государства.

Заключение

Политизация ирландской культуры представляла собой непрерывный процесс, начавшийся с конца XVIII века и завершившийся на рубеже XIX–XX веков. В качестве его объективных предпосылок выступили лингвистический сдвиг, образовательная политика, Великий Голод и сектантское разделение ирландского общества, которые привели к радикальной реорганизации ирландского социума. Завершение политизации, начатой объединенными ирландцами и продолженной фенианскими идеологами XIX века, было связано с политическим и идеологическим крахом Парнелла. Отказ от устоявшихся идеологических практик толкнул ирландскую интеллигенцию на поиски новых форм объяснения духовного кризиса, в котором находилось ирландское общество рубежа XIX–XX веков. Однако крах Парнелла лишь ускорил завершение политизации, поскольку поиск новых идеологий и идентичностей привел к вторжению политики в традиционно неполитические сферы. Доминирование темы национально-освободительной борьбы едва ли не во всех жанрах ирландской литературы, поэзии и театра, а также театрализация общественной жизни завершили процесс политизации ирландской культуры. Неполитических тем в ирландской общественной жизни не осталось. Объединенные ирландцы и фении не задумывались над политическими аспектами языка публицистики. Проблема лингвистического сдвига и вымирания ирландского языка как таковая их не интересовала. Однако к началу века усилиями активистов Литературного возрождения и Гэльской лиги политический дискурс приобрел ярко выраженный лингвистический подтекст. По иронии, политизация была начата революционерами, объединенными ирландцами, но завершена писателями и публицистами, напрямую не связанными с революционным республиканизмом.

Именно язык публицистики и специфический подход к истории Ирландии выступили средством политизации культуры. Перенесение в поле политической идеологии мифопоэтического ряда символов позволило идеологам лишить историю ее «сакральности» и апеллировать к историческим архетипам народной памяти. Таким образом, в ирландской культуре, а затем в республиканской идеологии история Ирландии начала утрачивать свой временной контекст, связь событий с конкретной исторической ситуацией была разорвана с целью их модернизации, отрыва от исторического контекста и перенесения в поле тех проблем, с которыми столкнулась Ирландия в начале XX века. Ирландский литературный модерн стремился мобилизовать потенциал исторической памяти, после чего для перехода от идеологии к действиям нужен был лишь последний импульс, исходящий уже не из истории, а из современности. Таким импульсом современности, окончательно пробудившим историческую память ирландского народа, стало Пасхальное восстание.

Список литературы

1. **Мельникова С. В.** Культурно-идеологические истоки фенианизма: эволюция революционизма в XIX веке и народный протест // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 4/3. С. 111–118.
2. **Мельникова С. В.** «Социальная» риторика политических организаций и раскол национальной идентичности в Ирландии на рубеже XIX–XX веков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20). Ч. I. С. 149–153.
3. **Мирошников А. В.** Ирландия и фении. 1850–1860. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1995. 213 с.
4. **Daly M. E.** Dublin: the Deposed Capital. Cork: Cork University Press, 1985. 373 p.
5. **Dunne T.** Popular Ballads, Revolutionary Rhetoric and Politicisation // Ireland and French Revolution / ed. by H. Gough and D. Dickson. Dublin: Irish Academic Press, 1990. P. 139–155.
6. **Edwards R. D., Pearse P.** The Triumph of Failure. N. Y.: Tablinger Publ. Co., 1978. 384 p.

7. **Fennell D.** The Revision of Irish Nationalism. Dublin: Open Air, 1989. 96 p.
8. **From Famine to Feast** / ed. K. A. Kennedy. Dublin: Institute of Public Administration, 1998. 174 p.
9. **Garvin T.** Nationalist Revolutionaries in Ireland, 1858-1928. Oxford: Clarendon Press, 1987. 181 p.
10. **Gregory A.** Seven Short Plays by Lady Gregory. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1909.
11. **Historic Population Trends (1841 to 2011) – NI and ROI** [Электронный ресурс]. URL: [http://www.nisra.gov.uk/Census/Historic_Population_Trends_\(1841-2011\)_NI_and_RoI.pdf](http://www.nisra.gov.uk/Census/Historic_Population_Trends_(1841-2011)_NI_and_RoI.pdf) (дата обращения: 12.10.2013).
12. **Hyde D.** The Necessity of the De-Anglicising Ireland // The Revival of Irish Literature. L.: T. Fisher Unwin, 1894. P. 115-182.
13. **Lyons F. S. L.** Ireland since the Famine. L.: Fontana Press, 1985. 880 p.
14. **Mathews P. J.** Revival: the Abbey Theatre, Sinn Fein, the Gaelic League, and the Co-operative Movement. Cork: Cork Univ. Press, 2003. 208 p.
15. **Pearse P. H.** Ghosts // Pearse P. H. Collected Works: Political Writings and Speeches. Dublin: Mansel & Roberts, Ltd., 1922. P. 219-250.
16. **Pearse P. H.** How Does She Stand? // Pearse P. H. Collected Works: Political Writings and Speeches. Dublin: Mansel & Roberts, Ltd., 1922. P. 53-88.
17. **Revising the Rising** / ed. M. Ni Dhonochadha, T. Dorgan. Derry: Field Day, 1991. 230 p.
18. **Santa Cruz I.** Novela Historica y Literatura Argentina. Rosario: Editorial Fundación Ross, 2000. 150 p.
19. **Smith S.** Irish Poetry and the Construction of Modern Identity. Dublin: Irish Academic Press, 2005. 238 p.
20. **Townshend Ch.** Easter 1916. The Irish Rebellion. L.: Penguin Books, 2006. 442 p.
21. **Weelan K.** The Tree of Liberty: Radicalism, Catholicism, and the Construction of Irish Identity, 1760-1830. Cork: Cork Univ. Press, 1996. 235 p.
22. **Yeats W. B.** Magic // Yeats W. B. The Collected Works. L.: Chapman & Hall, 1908. P. 23-55.
23. **Yeats W. B.** The Collected Poems. N. Y.: Macmillan, 1964. 480 p.
24. **Yeats W. B.** The Irish Literary Theatre // Yeats W. B. Uncollected Prose in 2 vols. N. Y.: Columbia University Press, 1976. Vol. 2. P. 139-142.
25. **Yeats W. B.** The Literary Movement in Ireland // Yeats W. B. Uncollected Prose in 2 vols. N. Y.: Columbia University Press, 1976. Vol. 2. P. 184-195.

IRISH CULTURE POLITICIZATION AT THE TURN OF THE XIXTH-XXTH CENTURIES: SOCIAL AND LINGUISTIC PRECONDITIONS

Mel'nikova Svetlana Viktorovna, Ph. D. in Philosophy
Komsomolsk-on-Amur City
svet.mel@yandex.ru, molinero.luz@gmail.com

The article describes the notion “the Irish culture politicization” as an ongoing process. The author considers the formation of new cultural trends as the outcome of this process, which completion was made by means of a new approach to language and history. As a result of the unique historical conditions study, in which the Irish culture politicization became a continuous process, the author comes to the conclusion that the completion of the politicization by the 1910s created conditions for the activation of people’s memory archetypes.

Key words and phrases: Irish culture politicization; “linguistic shift” in Ireland; Great Famine; “United Irishmen”; Irish Literary Revival; Republicanism; Fenians.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассмотрено влияние эскалации насилия в период 1920-1923 годов на судьбу этнических меньшинств Ирландии. Автор приходит к выводу о том, что, хотя в отличие от Ольстера на Юге Ирландии насилие не носило сектантского характера, Революция и Гражданская война по всей Ирландии обернулись трагедией для этнических меньшинств, оказавшихся беззащитными в условиях разрушения государственности и традиционных связей. Реакцией самозащиты со стороны замкнутых этнорелигиозных сообществ стала агрессия, в основе которой лежали формировавшиеся веками стереотипы.

Ключевые слова и фразы: этнические меньшинства Ирландии (1920-1923); юнионисты; католическое меньшинство Ольстера; протестантское сообщество; этнорелигиозные сообщества.

Мельникова Светлана Викторовна, к. филос. н.
г. Комсомольск-на-Амуре
svet.mel@yandex.ru, molinero.luz@gmail.com

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И СЕКТАНТСКОЕ НАСИЛИЕ В ИРЛАНДИИ 1920-1923 ГОДОВ[©]

Среди проблем, связанных с пониманием истории Ирландской революции и Гражданской войны, наибольшую трудность представляет объяснение эскалации насилия с 1919 по 1923 годы. Региональная специфика с трудом позволяет свести причины эскалации насилия в 1918-1919 годах к единой универсальной